

Глава 6. Стать охотником

Пятница, 23 июня 1961

Едва присев, я принялся в буквальном смысле слова бомбардировать дона Хуана вопросами. Он не отвечал. В конце концов нетерпеливым жестом он велел мне замолчать. Похоже было, что настроен он весьма серьезно.

– Я думал о том, что ты ни на йоту не изменился за это время, а ещё пытаешься изучать растения, – произнёс он. В тоне его звучал укор.

Громким голосом он принялся перечислять все личностные изменения, которые мне следовало произвести в себе, руководствуясь его указаниями. Я сказал ему, что отношусь к ним с полной серьёзностью, но вряд ли способен осуществить их на практике, так как уж очень они противоречат тому, что составляет основу моей личности. Он ответил, что как бы я к ним ни относился, одного только отношения недостаточно, и что всё сказанное им говорилось не ради красного словца. Я в очередной раз принялся твердить о своём страстном желании изучать растения, которое отнюдь не ослабевало от того, что я не предпринимаю почти ничего для приведения своей личной жизни в соответствие с провозглашаемыми им идеалами.

После длительной неловкой паузы я отважно спросил:

– Я намерен изучать пейот. Ты будешь меня учить, дон Хуан?

Он ответил, что одного только моего намерения недостаточно и что знания о пейоте – тут он впервые назвал его «Мескалито» – дело очень и очень серьёзное. Больше говорить было вроде как не о чем.

Однако вечером дон Хуан дал мне контрольное задание. Без каких бы то ни было подсказок с его стороны мне предлагалось найти благоприятное для меня место на площадке перед домом, где мы обычно с доном Хуаном сидели. Это должно было быть место, на котором я определённо чувствовал бы себя совершенно счастливым и ощущал бы прилив сил. Почти всю ночь я провёл, катаясь по земле на этой площадке в поисках благоприятного места. За это время мне удалось дважды заметить изменение цвета на фоне однородного тёмного грязного пола.

Наконец, в полном изнеможении я заснул на одном из мест, в которых менялся цвет. Утром дон Хуан разбудил меня и сказал, что я справился с заданием наилучшим образом: мне удалось отыскать не только благоприятное место, но и противоположное ему по воздействию, так сказать, враждебное или отрицательное, а также определить цвета, соответствующие обоим местам.

Суббота, 24 июня 1961

Ранним утром мы отправились в пустынный чапараль. По пути дон Хуан объяснил, что поиск «благоприятных» и «враждебных» мест имеет огромное значение для тех, кому приходится жить среди дикой природы. Я попытался перевести разговор на тему пейота, но об этом он говорить наотрез отказался, сказав, что сам вернётся к теме пейота, когда придёт время, и предупредив, что до этого я не должен даже вспоминать о ней.

Мы присели отдохнуть на густо заросшей площадке под какими-то высокими кустами. Чапараль вокруг нас ещё не совсем высох от солнца, и среди растительности обитало огромное количество мух, которые постоянно мне докучали. Но дон Хуан мухи как будто не беспокоили. Мне стало интересно, каким образом ему удаётся их не замечать, но потом я увидел, что они попросту вообще не садятся на его лицо.

– Иногда может возникнуть необходимость в том, чтобы очень быстро найти благоприятное место прямо в чистом поле, – продолжил дон Хуан. – Или определить, не является ли враждебным то, на котором ты как раз собираешься отдохнуть. Когда-то мы сделали привал возле холма, и настроение у тебя тут же упало; помнишь, как ты тогда взбесился? Место, на котором мы сидели, было тебе враждебно. Ворона тебя об этом предупреждала, помнишь?

Я вспомнил, что в тот раз дон Хуан посоветовал мне в будущем избегать этого места. И вспомнил, как действительно пришёл в бешенство от того, что он не разрешил мне смеяться.

– Я думал тогда, что ворона, которая пролетела над нами, была знаком только для меня, – сказал он, – поскольку не знал, что вороны благоволят и к тебе тоже.

– Не понимаю, о чём ты...

– Ворона была знаком, – продолжал он. – Если бы ты разбирался в повадках ворон, ты бы немедленно убежал с того места, словно оно заражено чумой. Но не всегда поблизости оказывается ворона, которая может тебя предупредить, поэтому необходимо научиться самостоятельно находить место для лагеря или отдыха.

После довольно длительной паузы дон Хуан неожиданно повернулся ко мне и сказал, что найти подходящее место для отдыха просто: нужно всего лишь свести к переносице глаза. Он заговорщицки подмигнул мне и доверительным тоном сказал, что именно так я и поступил, когда катался ночью по земле, и благодаря этому смог найти оба места и увидеть соответствующие им цвета. Дон Хуан признался в том, что моя удача произвела на него сильное впечатление.

– Но я, честное слово, не знаю, как это у меня получилось, – сказал я.

– Ты свёл глаза, – выразительно произнёс он. – Это – технический приём, ты должен был его применить, хотя можешь об этом и не помнить.

Затем дон Хуан подробно описал этот приём. Он сказал, что на его отработку могут уйти годы. Заключается он в том, чтобы постепенно, сводя глаза к переносице, заставить их воспринимать одно и то же изображение по отдельности. Из-за несовпадения изображений возникает раздвоение зрительного восприятия мира, благодаря которому, по словам дона Хуана, человек может отмечать изменения в окружающей обстановке, которых в обычном режиме восприятия глаза попросту не замечают.

Дон Хуан предложил мне попробовать, заверив, что зрению это не повредит. Он сказал, что начинать следует с коротких взглядов почти самыми уголками глаз, а затем показал мне как это делается, выбрав большой куст. Когда я смотрел на глаза дона Хуана, бросавшие непостижимо быстрые взгляды на куст, у меня возникло странное ощущение. Они напомнили мне бегающие глазки животного, которое не может постоянно смотреть прямо перед собой.

Мы шли ещё примерно час, в течение которого я пытался ни на чём не фокусировать взгляд. Затем дон Хуан велел мне смотреть раздельно, изолированно воспринимая изображения, видимые каждым глазом. Ещё через час у меня ужасно разболелась голова, и нам пришлось остановиться.

– Как думаешь, сможешь ты сам найти подходящее место для привала? – спросил дон Хуан.

Я не имел понятия, по какому критерию судить о том, является место «подходящим» или нет. Он терпеливо объяснил, что, бросая на окружающий мир быстрые взгляды, можно увидеть необыкновенные явления.

– Какого типа? – спросил я.

– Это явления, которые мы не столько видим, сколько чувствуем, – уточнил дон Хуан. – Они больше похожи на ощущения, чем на зрительные образы. Если ты посмотришь таким способом на дерево или скалу, под которыми тебе хотелось бы отдохнуть, глаза помогут тебе ощутить, является ли выбранное место наиболее удачным для привала.

Я снова потребовал, чтобы дон Хуан объяснил, на что похожи ощущения, о которых он говорит, но он либо не мог их описать, либо просто не хотел, и сказал, что мне самому нужно попробовать выбрать подходящее место, и тогда он скажет, работают мои глаза в этом плане или нет.

В какое-то мгновение я заметил что-то похожее на точки света, отражённого прожилками кварца. Когда я прямо смотрел на то место, где они мелькнули, их не было видно, но стоило мне быстрым взглядом вскользь пробежать по окружающему пейзажу, как что-то вроде слабого сияния вновь обнаруживалось на том же самом месте. Я показал это место дону Хуану. Оно находилось как раз посередине открытого прямым лучам солнца участка голой земли. Дон Хуан раскатисто захохотал, а потом спросил, почему я выбрал именно это место. Я сказал, что увидел там сияние.

– Не имеет значение, что ты видишь, – объяснил он. – Ты можешь увидеть всё, что угодно, хоть слона. Важно, что ты при этом чувствуешь.

Но я не чувствовал ничего. Дон Хуан загадочно взглянул на меня и сказал, что хотел бы доставить мне удовольствие и посидеть вместе со мной на выбранном мною пяточке, но предпочитает, чтобы я проверил свой выбор самостоятельно, а он тем временем посидит где-нибудь в другом месте.

Я опустился на землю. Дон Хуан отошёл метров на десять-двенадцать и стал наблюдать за мной оттуда. Через несколько минут он начал громко смеяться. Его смех почему-то действовал мне на нервы. Он вывел меня из себя. Я почувствовал, что дон Хуан надо мной издевается, и буквально взбесился. Я спрашивал себя, что мне вообще здесь нужно. Во всей этой ситуации с учёбой у дон Хуана с самого начала определённо был какой-то изъян. Я чувствовал, что, попав к нему в лапы, стал пешкой в неведомой мне игре.

Внезапно дон Хуан со всех ног бросился ко мне, схватил за руку и волоком оттащил меня по земле метров на пять от того места, где я сидел. Он помог мне встать на ноги и отёр пот со своего лба. Я заметил, что на этом действии он выдохся чуть ли не до последнего предела. Он похлопал меня по спине и сказал, что я выбрал плохое место, и что ему пришлось в спешном порядке спасать меня, пока оно не сожрало все мои чувства. Я рассмеялся. Образ дон Хуана, бросающегося вызволять меня из «проклятого места», выглядел довольно занятно. Он нёсся так, словно ему было двадцать лет. Ступнями он словно цеплялся за мягкую красноватую пыль пустыни, как будто собирался с ходу через меня перемахнуть. Всё произошло почти мгновенно: только что дон Хуан смеялся надо мной, а буквально через секунду-другую уже волок меня за руку по земле.

Немного погодя он велел мне снова попытаться найти подходящее место. Мы шли не останавливаясь, но как я ни старался, что-либо заметить или «почувствовать» мне не удавалось. Наверно, у меня получилось бы, если б я сильнее расслабился. Но злиться на него я, тем не менее, перестал. В конце концов он указал на группу камней, мы подошли к ним и сделали привал.

– Не расстраивайся, – сказал дон Хуан. – На то, чтобы как следует натренировать глаза, требуется немало времени.

Я ничего не сказал. Мне и в голову не приходило расстраиваться из-за того, чего я совершенно не понимал. Тем не менее я не мог не признать, что с тех пор, как мы с доном Хуаном познакомились и я начал к нему приезжать, я уже трижды приходил в неистовство и накручивал себя чуть ли не до болезненного состояния, когда сидел на тех местах, которые дон Хуан называл плохими.

– Весь фокус в том, чтобы научиться чувствовать глазами, – объяснил дон Хуан. – Ты не знаешь, что именно чувствовать, и в этом – твоя проблема. Но с практикой это придёт.

– Может быть, ты расскажешь мне, что я должен чувствовать? – спросил я.

– Это невозможно.

– Почему?

– Никто не сможет тебе сказать, что в этом случае человек чувствует. Это – не тепло, не свет, не сверкание, не цвет... Это ни на что не похоже.

– И ты не можешь этого описать?

– Нет. Я могу только обучить тебя техническим приёмам. Когда ты научишься разделять изображения и воспринимать всё в раздвоенном виде, ты должен будешь сосредоточить внимание на пространстве между этими двумя изображениями. Любое заслуживающее внимания изменение произойдёт именно в этой области.

– Об изменениях какого типа ты говоришь?

– Это не важно. Важно ощущение, которое у тебя при этом возникнет. Сегодня ты увидел сверкание, но это ничего не значило, потому что отсутствовало ощущение. Что и как ощущать, я тебе объяснить не могу. Ты должен узнать это сам.

Некоторое время мы молча отдыхали. Дон Хуан лежал, прикрыв лицо шляпой, и не двигался, как будто спал. Я полностью погрузился в свои записи. Вдруг он сделал резкое движение. От неожиданности я вздрогнул. Дон Хуан рывком сел и, нахмурившись, повернулся ко мне:

– Ты обладаешь склонностью к охоте. Охота – именно то, чему тебе следует учиться. Так что мы больше не будем говорить о растениях.

Он на секунду выдвинул челюсть, а потом бесстрастно добавил:

– Впрочем, этим, как мне кажется, мы никогда и не занимались, верно?

И засмеялся.

Остаток дня мы бродили по чапаралю, и дон Хуан невероятно подробно и обстоятельно рассказывал мне о о гремучих змеях. Где они гнездятся, как двигаются, каковы их сезонные повадки, их уловки и прочее. В конце концов он поймал и убил большую змею. Он отрезал ей голову, вычистил внутренности, содрал кожу и поджарил мясо на костре. Наблюдение за всем этим доставило мне истинное удовольствие, потому что действовал дон Хуан мастерски, и каждое движение его было точным и грациозным. Я зачарованно следил за ним и слушал всё, что он говорил. Сосредоточение моё было настолько полным, что весь остальной мир практически перестал для меня существовать.

Змеиное мясо пришлось съесть, и это довольно грубо вернуло меня в обычный мир. Когда я начал жевать первый кусочек, меня затошнило. Объективных причин для этого не было никаких, так как мясо оказалось прекрасным, но я ничего не мог поделать, словно мой желудок был сам по себе и от меня никак не зависел. Глотать мне удавалось лишь с огромным трудом. Я думал, что дона Хуана от смеха хватит сердечный приступ.

Потом мы присели отдохнуть в тени каких-то камней. Я начал обрабатывать свои заметки, и по их количеству понял, насколько громадным объёмом информации о гремучих змеях снабдил меня дон Хуан.

– К тебе вернулся дух охотника, – неожиданно произнёс дон Хуан с очень серьёзным выражением лица. – Теперь ты попался.

– Прошу прощения?..

Я хотел, чтобы он развил своё утверждение относительно того, что я попался, но он только засмеялся и повторил его.

– На чём я попался? – не унимался я.

– Охотники всегда будут охотиться, – сказал он. – Я и сам охотник.

– Ты хочешь сказать, что охотишься для того, чтобы жить?

– Я охочусь, чтобы жить. Я могу жить где угодно на земле. Дон Хуан движением головы обвёл всё вокруг.

– Чтобы быть охотником, надо очень много знать, – продолжал он. – Это означает, что человек может смотреть на вещи с разных сторон. Чтобы быть охотником, необходимо находиться в совершенном равновесии со всем-всем в мире. Без этого охота превратится в бессмысленное занятие. Сегодня, например, мы добыли змейку. Мне пришлось извиниться перед ней за то, что я оборвал её жизнь так внезапно и так окончательно. Я сделал это, зная, что моя собственная жизнь однажды будет оборвана точно так же внезапно и окончательно. Так что, в конечном счёте, мы и змеи равны. Одна из них сегодня нас накормила.

– Я никогда не находился в таком равновесии, когда охотился, – сказал я.

– Неправда. Ты не просто убивал животных. И ты, и вся твоя семья ели дичь.

Он говорил с такой убеждённой уверенностью, словно видел это собственными глазами. И, разумеется, был прав. Были времена, когда вся семья питалась мясом, которое мне удавалось добыть на охоте.

После минутного колебания я спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Есть вещи, которые я просто знаю. Но не могу сказать, откуда.

Я рассказал, как мои тётки и дяди совершенно серьёзно именовали «фазанами» всех птиц, которых я приносил.

Дон Хуан сказал, что вполне может себе представить, как они говорят на скворца «маленький фазанчик», и очень смешно изобразил, как кто-то из них жуёт птичку. Следя за неподражаемыми движениями его челюстей, я буквально ощущал, что во рту у него – птичка, которую он жуёт прямо с костями.

– Я в самом деле думаю, что у тебя есть способности к охоте, – сказал дон Хуан, уставившись на меня. – Мы начали не с того конца. Возможно, ты захочешь изменить свой образ жизни для того, чтобы стать охотником.

Он напомнил мне, что я не только без особого труда понял, что в мире есть благоприятные и неблагоприятные места, но ещё и обнаружил соответствующие им цвета.

– Всё это говорит о том, что у тебя есть склонность к охоте, – объявил он. – Далеко не каждый способен одновременно определить и то и другое.

«Стать охотником» звучало заманчиво и романтично, но с моей точки зрения это было абсурдным, потому что охота лично меня ни в коей мере не интересовала. Я сказал ему об этом.

– Вовсе не обязательно, чтобы охота тебя интересовала или нравилась тебе, – сказал он. – Ты обладаешь естественной склонностью. Я думаю, что настоящие охотники никогда не любят охотиться. Они просто хорошо это делают, вот и всё.

У меня возникло ощущение, что дон Хуан готов спорить по любому вопросу и способен переспорить кого угодно. Но он утверждал, что вообще не любит разговаривать.

– Это – как охота, – сказал он. – Мне вовсе ни к чему любить разговаривать. Просто у меня есть способности к тому, чтобы говорить, и я делаю это хорошо. Вот и всё.

Гибкость его ума меня произвела на меня впечатление.

– Охотник должен быть очень жёстким, – продолжил дон Хуан. – Он практически ничего не предоставляет случаю. Всё время я пытаюсь убедить тебя в том, что ты должен изменить свой образ жизни. Но до сих пор все попытки оказывались безуспешными. Тебе не за что было ухватиться. Теперь ситуация изменилась. Я вернул тебе твой старый охотничий дух. Может быть, он поможет тебе измениться.

Я возразил, что вовсе не желаю становиться охотником.

Я напомнил ему, что изначально всего лишь хотел, чтобы он рассказал мне о лекарственных растениях, но он так далеко увёл меня от исходной цели, что теперь я и сам не знаю, действительно ли мне хотелось изучать растения.

– Хорошо! – сказал он. – В самом деле хорошо! Если у тебя нет ясной картины того, чего ты хочешь, ты можешь стать более смирным. Давай сделаем так. Для тебя не имеет особого значения, будешь ты изучать растения или что-нибудь ещё. Ты сам мне об этом говорил. Тебя интересует всё, что кто-либо может тебе рассказать. Так?

Я действительно однажды сказал ему это, чтобы разъяснить задачи антропологии и привлечь его в качестве информатора.

Дон Хуан усмехнулся, явно сознавая, что полностью контролирует ситуацию.

– Я – охотник, – сказал он, словно читая мои мысли. – Я почти ничего не предоставляю случаю. Наверно, мне следует объяснить тебе, что охотником я стал. Я не всегда жил так, как живу сейчас. В какой-то момент своей жизни я вынужден был измениться. Теперь я указываю направление тебе. Я веду тебя. Я знаю, о чём говорю, меня всему этому научили. Я не сам всё это понял.

– Ты хочешь сказать, что у тебя был учитель, дон Хуан?

– Скажем так: некто научил меня охотиться так, как я хочу научить тебя, – сказал он и быстро сменил тему.

– Я думаю, что были времена, когда охота была самым почётным делом, которым мог заниматься человек, – сказал он. – Все охотники были могущественными людьми. Действительно, чтобы выдержать всю суровость той жизни, охотнику нужно было прежде всего быть могущественным.

Мне стало любопытно – уж не говорит ли дон Хуан о временах, предшествовавших Конкисте? Я начал его прощупывать:

– Когда это было?

– Давным-давно.

– Когда именно? Что означает твоё «давным-давно»?

– «Давным-давно» означает давным-давно, а может быть – сейчас, сегодня. Это не имеет значения. Было время, когда все знали, что охотник – лучший из людей. Сейчас об этом известно далеко не каждому, но есть люди, которые это знают. Я знаю, и ты когда-нибудь узнаешь. Понимаешь, о чём я говорю?

– Скажи мне, это индейцы яки так относятся к охотникам?

– Не обязательно.

– Индейцы пима?

– Не все. Но некоторые – да.

Я назвал ещё несколько племён. Мне хотелось привести его к утверждению о том, что культ охоты является верованием и практикой определённой группы людей. Но он избегал прямого ответа, поэтому я сменил тему:

– Зачем ты со мной всё это проделываешь, дон Хуан?

Он снял шляпу и с наигранным недоумением почесал виски.

– Я тобой занимаюсь, – мягко ответил он. – Раньше подобным образом мною занимались другие, и когда-нибудь ты сам кем-то займёшься. Скажем так: сейчас – моя очередь. Однажды я обнаружил, что если я хочу быть охотником, который мог бы уважать себя, мне необходимо изменить свой образ жизни. До этого я всё время жаловался и распускал нюни. У меня были веские причины, чтобы чувствовать себя обделённым и обманутым жизнью. Я – индеец, а с индейцами обращаются хуже, чем с собаками. Я не мог этого изменить, и поэтому мне не оставалось ничего, кроме печали. Но удача повернулась ко мне лицом, и однажды в моей жизни появился тот, кто научил меня охотиться. И я осознал, что жизнь, которую я вёл, не стоит того, чтобы жить. Поэтому я изменил её.

– Но моя жизнь меня вполне устраивает, дон Хуан. С какой стати я должен её изменять?

Он принялся напевать мексиканскую песню, очень мягко, а потом просто замурлыкал мелодию, кивая в такт головой.

– Как ты думаешь, мы с тобой равны? – резко спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. В ушах зазвенело, как будто он громко выкрикнул эти слова, хотя он не кричал. Однако в его голосе был какой-то металлический звук, который завибрировал в моих ушах.

Я почесал мизинцем внутри левого уха. Уши чесались, и в конце концов я принялся ритмично почёсывать их мизинцами обеих рук, движения мои при этом скорее напоминали подёргивания рук от плеч до кончиков мизинцев.

Дон Хуан с явным удовольствием наблюдал за моими действиями.

– Ну, равны мы? – переспросил он.

– Конечно, мы равны, дон Хуан, – ответил я.

Естественно, я оказывал ему некоторое снисхождение. Я относился к нему очень тепло, даже несмотря на то, что порою не знал, что с ним делать. Но всё же в глубине души я считал, хотя никогда и не говорил об этом вслух, что я – студент университета, человек из цивилизованного западного мира – стою выше старого индейца.

– Нет, – спокойно сказал он, – мы не равны.

– Ну почему же, равны, – возразил я.

– Нет, – произнёс он мягко. – Мы не равны. Я – охотник и воин, а ты – паразит.

У меня отвисла челюсть. Я не мог поверить в то, что дон Хуан действительно это сказал. Блокнот выпал у меня из рук, я тупо уставился на дона Хуана, а потом, конечно, пришёл в ярость.

Дон Хуан спокойно и собранно смотрел на меня. Я избегал его взгляда. А потом он заговорил. Он произносил слова очень чётко. Речь его лилась гладко и металлически бесстрастно. Он сказал, что я жалко и лицемерно веду себя по отношению ко всем. Что я отказываюсь вести собственные битвы, а вместо этого копаюсь в чужих проблемах и занимаюсь чужими битвами. Что я ничему не желаю учиться – ни знанию растений, ни охоте, ничему вообще. И что его мир точных действий, чувств и решений неизмеримо более эффективен, чем тот бездарный разгильдяйский идиотизм, который я называю «моя жизнь».

Когда он закончил, я онемел. Он говорил без враждебности и без презрения, но с такой мощью и в то же время с таким спокойствием, что даже гнев мой как рукой сняло.

Мы молчали. Я был подавлен и не мог найти подходящих слов. Я ждал, что он первым нарушит молчание. Проходили часы. Дон Хуан постепенно становился всё более

и более неподвижным, пока, наконец, его тело не сделалось странно, почти пугающе застывшим. Темнело, и силуэт его становился всё менее различимым и в конце концов полностью слился с чернотой окружающих скал в кромешной тьме опустившейся ночи. Дон Хуан был настолько неподвижен, что его как бы вовсе не существовало.

Была уже полночь, когда я, наконец, осознал, что, если понадобится, он может вечно сохранять неподвижность среди камней в этой дикой ночной пустыне. Его мир точных действий, чувств и решений был действительно неизмеримо выше.

Я прикоснулся к его руке, и слёзы хлынули у меня из глаз.